

«ОТНОШЕНИЯ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ СИМВОЛАМИ»

Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации во Франции Александр Орлов рассказал в интервью главному редактору «МП» Эрасту Галумову, почему в Европе нет доверия к российскому капиталу и где искать новых друзей нашей страны.

Как вы охарактеризуете уровень российско-французских отношений и состояние экономического сотрудничества?

Уровень наших отношений традиционно был и остается высоким, он характеризуется частотой и насыщенностью политических контактов и экономическими обмена. Если раньше мы говорили, что в российско-французских отношениях первую роль играли политические контакты, а экономика тянулась в хвосте, то сегодня можно сказать, что экономика занимает не меньшее место, а сейчас выдвигается на первый план.

И мы, и французы ставим перед дипломатическими службами задачу всемерного содействия бизнесу, продвижению экономических интересов наших стран. Французы даже называли такую политику «экономической дипломатией», это то новое, что внес министр иностранных дел Лоран Фабиус, и он активно эту линию претворяет в жизнь. В сентябре предстоит

его визит в Москву, и значительное место на этих переговорах будет посвящено именно продвижению экономических интересов двух стран, чтобы решить задачу стимулирования экономического роста. Это одна из главных тем нашего председательства в «Группе двадцати», и задача политиков и дипломатов найти, каким образом наши политические взаимоотношения могли бы стимулировать экономический рост.

Почему тогда сейчас наблюдается такой дисбаланс взаимных инвестиций между Россией и Францией?

Действительно, долгое время наш бизнес шел во Францию более робко, хотя в России французские компании представлены очень широко почти во всех отраслях экономики — от энергетики и транспорта до фармакологии. В результате сложился дисбаланс. Если Франция накопила порядка 10 млрд долл. инвестиций в России, то наши вложения только в прошлом году благодаря крупной сделке между РЖД и Peugeot Citroen по приобретению акций логистической компании Gefco перевалили за 1 млрд долл., т.е. соотношение 1 к 10.

Первая причина, которая сдерживает приток российских инвестиций во Францию, — это психология наших инвесторов. До сих пор они предпочитали вкладывать в покупку недвижимости, а не в производственные активы. Инвестирование в производство требует достаточно глубокого знания экономики страны, ее законодательства и социальных норм. И сейчас во Франции создаются хорошие адвокатские конторы, которые могут на высоком уровне консультировать наших инвесторов.

Вторая причина в том, что инвестирование за рубежом у нас не очень поощрялось, сложился такой стереотип, что это одна из форм бегства капитала из страны и попытка уйти от уплаты налогов. К тому же нам самим инвестиций не хватает. Но здесь надо подходить более тонко, поскольку инвестиции, направленные на развитие производственного сектора, сторицей окупятся для нас потом. Это даст возможность сэкономить много лет, усилий и средств на разработку новых технологий и даст доступ на рынки, куда мы сможем продавать свою продукцию. Поэтому честные инвестиции в производственные активы за рубежом должны рассматриваться как один из факторов обеспечения экономического роста.

А как во Франции относятся к российским инвесторам, может быть, проблема не только в нашем отношении к вложениям капитала за рубежом, но и в стереотипных взглядах французов на русских бизнесменов?

Один из тормозов для развития российских инвестиций во Франции — это очень настороженное отношение местных банков к российскому капиталу. Сегодня вопрос происхождения денег во Франции и всей Европе приобрел огромное значение, которое мы мало учитываем. Многие банки отказываются открывать счета российским бизнесменам, опасаясь, что это будут нечистые деньги непонятного происхождения. Здесь сейчас идет жесткая борьба с коррупцией и отмыванием денег, и каждый раз, когда вы приносите в банк наличные, вы обязательно заполняете справку об их происхождении. Поскольку у нас в ходу в основном наличные деньги, а здесь к ним относятся с огромной настороженностью, это создает огромные проблемы.

Такое отношение напрямую зависит от имиджа страны, не исправив образ России, эту проблему не решить. Сегодня мы

сталкиваемся с парадоксальной ситуацией — в нашу эпоху открытости и электронных средств связи люди знают друг друга хуже, чем 30–40 лет назад. Французы лучше знали Советский Союз, чем сейчас Россию. Это невежество питает те глупости, которые распространяют французские СМИ о России. Поэтому нам надо формировать объективный образ нашей страны, он и так положительный, нам достаточно просто показать, кто мы такие сегодня, и они сами все увидят. Есть много способов, но главный — это развитие туризма в России. Привлекая иностранных туристов, мы создаем друзей нашей страны.

Какие сферы могут быть наиболее привлекательными для российских инвестиций?

Во Франции очень много научных кластеров, для нас наиболее интересно вкладывать капиталы в развитие небольших предприятий в области новых технологий — это информатика, биотехнологии, энергоэффективность, в этих сферах французы очень сильны. Но мелкие фирмы не смогут самостоятельно потянуть такие проекты, поэтому надо создавать совместные инвестиционные фонды, которые будут искать наиболее интересные сферы приложения денег. Во время февральского визита президента Олланда в Россию соглашение о создании такого суверенного фонда было подписано между РФПИ, ВЭБом и французской государственной финансовой группой компаний Caisse des Depots et Signations. Помимо этого, нужно создавать и частные инвестиционные фонды. Этот путь наиболее интересный и перспективный.

Французы очень бережно относятся к сохранению исторического облика своих городов, а сейчас планируется построить две башни в районе Ла Дефанс, которые по сути меняют облик Парижа, как удалось уговорить их на реализацию такого проекта русской компанией?

Проект строительства двух башен в деловом районе Парижа Ла Дефанс, где сейчас развивается высотное строительство, является на сегодняшний день крупнейшим российским инвестиционным проектом во Франции. Общий объем инвестиций 2,9 млрд евро — это огромная сумма. Если проект будет реализован (а мы предпримем все усилия для этого, и у нас есть серьезные основания для оптимизма), то он станет визитной карточкой России во Франции и даже в Европе. Поэтому что ничего подобного во Франции не было и с точки зрения архитектуры, которая сама по себе интересна, и с точки зрения такого комплексного решения зданий, в которых будут и офисы, и квартиры, и театр, и даже русский лицей. Этот проект пользуется поддержкой на политическом уровне. И с нашей, и с французской стороны этому проекту придается приоритетное значение. Проект имеет знаковый характер, это своего рода тест, вслед за ним могут пойти другие крупные российский инвесторы.

Париж постепенно наполняется символами многовековой дружбы между Россией и Францией. Возьмем один из самых красивых мостов города мост Александра III, который стал символом нашего союза в XIX веке. В 100 метрах от него Владимир Путин открыл памятник Русскому экспедиционному корпусу, а через 3–4 года на другом берегу Сены появится православный храм, вскоре появятся эти башни, которые будут видны из любой точки Парижа. Отношения должны жить символами, а когда они воплощаются в архитектуре, это остается на века. **МП**

Эрик Фурнье,
глава директората
континентальной
Европы МИД Франции

Этой осенью запланированы визиты в Россию президента Франции Франсуа Олланда, министра иностранных дел Лоран Фабюса и премьер-министра Жана-Марка Эро. Они станут наглядной демонстрацией политической воли к улучшению взаимоотношений между Россией и Францией, и каждый раз мы будем обращаться к теме новых инвестиций.

Потенциал для инвестиций между Россией и Францией огромен, и строительство башен в Ла Дефансе может послужить тому ярким примером. Этот проект заложит основу наших будущих отношений, обеспечит экономиче-

ский импульс для развития целого делового квартала, создаст новые рабочие места.

Сложившаяся диспропорция в объеме взаимных капиталовложений вызвана тем, что российская экономика ориентирована на энергетику, а не на промышленное производство, продукцию которого она могла бы экспортировать на Запад. Если бы российская продукция была более привлекательной для нашего рынка, проблем с инвестициями стало бы гораздо меньше. Есть небольшие коммерческие ниши для определенного типа товаров, но российских инвесторов прежде всего интересует участие в крупных промышленных группах Франции.

Есть мнение, что французские банки боятся «русских денег». Это неправда. Мы обратились в Минфин, чтобы выяснить, действительно ли возникали конфликтные ситуации. Ни один банк не смог назвать ни одного случая отказа в открытии счета российскому инвестору. Проблема, скорее всего, заключается в банковской бюрократии.

В своей внешней политике Париж придерживается принципов «экономической дипломатии». Честь изобретения этого понятия принадлежит Лорану Фабюсу. В современном мире каждая страна продвигает собственные экономические интересы, а глобальные политические темы, которые, скажем, были на повестке дня некоторое время назад, уже давно не обсуждаются.

Мы поняли, что в этом плане нам нужно перестроиться, потому что сейчас и политиков, и простых граждан интересует совсем другое: проблемы климата, качества потребляемой продукции и т.д. И для нас это настоящий экономический вызов.

Однако переход к «экономической дипломатии» вовсе не является попыткой уйти от обсуждения спорных вопросов в политической сфере. Например, если говорить о сирийской проблеме, ни Россия, ни Франция не хотят, чтобы в этом регионе действовали террористические организации. С другой стороны, политический момент заключается в том, что и Франция, и Россия хотят найти решение данной проблемы, и мы пытаемся сблизить наши позиции, а не критиковать друг друга, но за столом переговоров сидят и другие игроки, поэтому так сложно прийти к единому решению. **МП**